

A painting by J.M.W. Turner titled 'Rain, Steam, and Great Central Railway'. The scene is set in a grand, ornate interior room. A woman in a white dress is seated on a bench, looking out a large window at a landscape with a railway bridge. The room is filled with various objects, including a large vase, a bust, and a painting on the wall. The style is characteristic of the 19th-century English school, with a focus on light and atmosphere.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

1 МАЯ 1914 г.

(„Самойлово” — имение были. кн. Голицына, ныне Шульце; „Восильевское” — имение графа Габбе; „Скударево” — имение были. Воейковых, ныне Попова; „Токарево” — имение Крахмаль).

Смоленская, Рязанская, Ярославская, Тамбовская, Нижегородская, Сибирская, Полтавская, Черниговская, но даже столь удаленные от центра провинция и искусства, как губернии Олонская, Уфимская и

Самойлов, быв. имение гг. Голицыных. Фасад со стороны сада.

Екатеринославская, изобилуют барскими домами, сооруженными лучшими мастерами и наполненными предметами изумительной красоты, вывезенными из Парижа, Вены и Дрездена...

Самойлово (Смоленск. губ.) бывш. им. кн. Голицына.
Фасад со стороны подъезда.

Многие усадьбы сгорели, разорены, переданы, достроены или надстроены; иные проданы их законными владельцами или перешли в руки полурусских, полупольских, полужидовских, — вроде «Лиличей», дворца Заводовского, попавших в обладание некоего Голодца. Сколько зал и цехов домов опустошено жадными до наживы антикварами или столичными любителями старины!

И все-таки, в обширной и обильной России до сих пор — необъятное количество старины и, так как почти все это еще не описано, не исследовано и не сфотографировано, а часто и совсем неизвестно^{*)}, то нередко приходится положительно утверждать, что в усадьбах оазисы изумительной красоты. И чем дальше от крупных центров, тем больше удивительных, часто совсем не тронутых, «вотчин», дворцов и хуторов. Неповторимо, в самых медвежьих углах открываются обворожительные прелестные постройки, флигели, ворота, часовни и в них мебель, люстры, фарфор. Получается величайшее наслаждение для такого «охотника за русской архитектурной стариной» открыть новое, еще неизвестное, сооружение.

^{*)} Литературы усадеб исчерпывается до сих пор всего только шестью изданиями: несколько статей (и специальная, 4-й раз № за 1910 год) журнала «Старые Голы»; описание усадеб села «Архангельское» в журнале «Мир Искусств»; два части «Помещичья» изд. 1-й «Образование» и, издающиеся гр. Онуфрием, «Помещики Тульской старины», в которых воспроизведено не мало усадеб Тульской губернии. Для всей России это не так уж много.

И до сих пор так замечательны были, как «Александр» гр. Браницкого, «Очково» Е. А. Суляжко, «Охотский» гр. Лизового-Галатина, «Кочетовка» П. И. Харитоненко, «Слободы» гр. Мусина-Пушкина и много других, вовсе не описаны.

Но как велика была любовь к красивому, как значительны были удельеяния на жилища и обстановку суммы, если мы вспомним о тех трудностях, с которыми приходилось доставлять все материалы, выписывать мастеров, если мы вспомним о тех дорогах, по которым все это прибывало на места: не впритык, порою, в реальность видимого...

Тем более, пока не поздно, пора описать, снять эти «памятники» усадебной старины, дабы хотя таким образом передать потомству все эти художественные сокровища или сведения о них. Построенные часто наспех, бутафорски и разрушающиеся потому от естественных причин (например, «Очково» Черниговской губ.), большинство этих сооружений начала девятнадцатого столетия, конечно, не долговечно. Нечто, которые дворцы построены капитально. И они сохранились бы, но их переделяют: ушатывают окна, достраивают террасы, пристраивают кухни, гаражи, оранжереи.

И большей части усадеб скоро не станет. Ремонт погубит очарование многих деталей и украшений, а в них-то значительная доля того *sachet*, который и составляет прелесть многих домов. Если бы собрать все это, разсыпанное по России, достояние — получили бы целый город-музей, равного которому не сыскать бы в Европе. Надо собрать эти художественные сокровища хотя бы в издании.

На этот раз остановим наше внимание на некоторых усадьбах одной области России, на усадьбах, — являющихся богатыми примерами для показаний размаха помещичьего строительства, именно Смоленской губернии.

«Самойлово» ныне принадлежит В. Шульцу, который купил его у князя Лобанова-Ростовского. Князь, в свою очередь, приобрел это имение от купцов Александра и Комарова, которым оно досталось с торгов давно еще, при продаже имущества объявленного несостоятельным князя Павла Алексеевича Голицына.

«Самойлово» — родовое гнездо этой ветви Голицыных; со времени Елизаветы Петровны и до 1885 г. оно принадлежало им. Дом построен в 1790 —

Самойлово. Деталь росписи зал.

Васильевское. Им. графа Граббе. Заль.

1800 гг. Впоследствии к нему были пристроены крылья, в которых помещены были иезуиты; здесь помещалась и тайная канцелярия, и католическая церковь. Все это приталось в подземельях во время ревизий, которая во царствование Николая Павловича бывала часты, ибо Голицыны были не в фаворит у Государя. Когда-то Голицыны были очень богаты. У них в одно время убрало было 86 тысяч десятин земли, остальная часть убрала принадлежала князьям Долгоруковым и Воейковым. От владений Долгоруковых не осталось и слѣда: все, что они имѣли, было продано ими крестьянамъ послѣ освобождения, а дома ихъ были разрушены до основанія. Воейковы часть имѣній продали, а часть земель перешла отъ нихъ къ Татищевымъ.

Самойловскій домъ — выдающийся примѣръ усадебной архитектуры классическаго типа. Одинъ фасадъ его (со стороны подъѣзда) украшенъ полукруглымъ выступомъ, обрамленнымъ коринфскими колоннами, на подобіе Елагина дворца. Окна нижняго этажа большія, полу-

Васильевское. Им. графа Граббе. Одна изъ комнатъ.

Самую интересную деталью внутренности дома является обработка стѣн. Нынѣ домъ въ запущенномъ состояніи, а прелестныя росписи на стѣнахъ, вѣроятно, скоро погибнутъ. Между тѣмъ, этотъ родъ украшеній стѣнъ медальонами и включенными въ квадраты, изображеніями античнаго сюжета, очень рѣдкій и привлекательный. Здѣсь посмиграны круглыя рамки, въ каждой изъ нихъ различный сюжетъ. Грозды винограда и розы вьются вокругъ трельяжа и все это написано *al fresco*.

Прелестны печи, но часть ихъ разграблена. Напримѣръ, убрана ваза съ постаментомъ. Росписи архитектурныхъ деталей менѣе красивы, но также заслуживаетъ вниманія.

«Васильевское» принадлежитъ нынѣ графу А. Н. Граббе, которому оно досталось по нѣслѣдству отъ дяди его по матери, графа Орлова-Денисова; этому послѣднему имѣніе принадлежало со времени Павла I.

Васильевское (Смоленск. губ.). Им. графа Граббе. Домъ со стороны пруда.

Скугарево (Смолен. губ.). Имяне бывш. Воейковыхъ. Деталь пейзажа.

Скугарево. Имяне бывш. Воейковыхъ, имяне Попова.

Прежний деревянный домъ сгорѣлъ въ 1812 г., а въ 1825 г. былъ построенъ теперешій. Императоръ Николай I жилъ въ немъ, пребывая въ Скугарево.

Домъ „Васильевскаго“ довольно простой архитектуры, фасадъ его со стороны пруда украшенъ колоннадою (во второмъ этажѣ). Художественный интересъ дома этой усадьбы сосредоточенъ въ его внутреннемъ убранствѣ и особенно въ росписяхъ потолковъ. Плафоны эпохи расцвѣта ампира заполнены, главнымъ образомъ, орнаментальными сюжетами, но иногда встрѣчаются и изображенія фигуръ (en grisaille).

Особенно хороши плафоны, напоминающіе росписи потолковъ только что вначатаго сломаго (несмотря на протесты всѣхъ обществъ и прессы) дома Леонтьевыхъ въ Гранатовомъ переулкѣ въ Москвѣ и представляющіе ромбы, круги, квадраты, внутри которыхъ — шифры и изображенія мифологическихъ сценъ. Фризъ украшаютъ маски, отъ которыхъ отходятъ орнаментальныя

разводки или букеты, то ифжонхъ, то немного яркѣхъ по краскамъ цвѣтовъ, похожихъ на тѣ, какія мы видимъ на фарфорѣ Попова, Гарднера и другихъ заводовъ. Съ потолка спускаются прекрасныя огромныя люстры, ампирыя, бронзовыя; въ нихъ свѣчи, и когда трепетнымъ пламенемъ озаряются плафоны, — живая подлинная картина старины встаетъ передъ нами. Даже не вѣрится, что это не язу, кажется будто на сценѣ! Домъ наполненъ старинной мебелью, интересной работы и богато украшенной. Есть много выдающихся портретовъ.

Скугарево принадлежало Воейковымъ со времени Екатерины II, и нынѣшній домъ построенъ былъ еще въ 1776 г. Но постепенно измѣнился нынѣшній видъ этой екатерининской усадьбы. Сначала надстроили третій этажъ, — чѣмъ сразу измѣнили прежнія пропорціи, — потомъ уничтожили боковыя крылья, соединившія домъ съ флигелями, три раза затѣмъ обновляли домъ и мѣняли дѣльныя украшения по вкусу времени. Теперь лишь обработка наличниковъ и пилястры двухъ выступающихъ (въ садъ) частей, украшенныхъ фронтонами, отдаленно напоминаютъ намъ о формахъ екатерининской усадьбы.

П. С. Воейковъ, послѣдній владѣлецъ Скугарева изъ этого рода, передалъ усадьбу своей дальней родственницѣ, которая и продала ее за 60.000 рублей адвокату Дерюжинскому, перепродавшему ее тутъ же за 90.000 рублей Муравьеву, а послѣдній продалъ ее нынѣшнему владѣльцу Попову.

Въ домѣ интересны интерьеры эпохи Николая Павловича. Любопытны и характерны для эпохи люстры (огромныя развѣтвляющіяся развѣтвляющіяся), обои, драпировки, мебель стиля поздняго классицизма; во особенно цѣнны старинныя, фрескового письма (на бумагѣ клеевыми красками) обоянно-сюжетныя, изображенныя на этихъ обояхъ:

Тсараево (Смоленск. губ.). Имяне Крахтъ. Гостиная.

парижских зданий, соединенных в очень
интересных комбинациях; например, рядом S-te
Chambre des Députés, Hôtels des Invalides
и Louvre, — все это как фон, на котором гуляют
и катаются верхом юноши и девушки...

Домъ въ „Токаревъ“ образецъ ранняго классицизма. Портикъ его не лишенъ курьезности формъ. Хороши колонны, фризъ, покоящійся на арочкахъ, и арочки, украшенные кессонами.

Красивы скульптурныя вставки въ квадраты и въ круглые медальоны между окнами первого и второго этажей и по бокамъ оконъ крыльцевъ: эти окна очень красивы, они украшены парными пилястрами.

Удлиненная пропорція колоннъ свидѣтельствуетъ о томъ, что домъ этотъ относится къ эпохѣ ранняго классицизма, быть можетъ, еще къ концу XVIII ст. Съ одной стороны дома портикъ опирается на своды, съ другой (въ садъ) къ портику пристроена позднѣйшая по обработкѣ лѣстница. Въ архитектурѣ дома много величественности и всѣ детали его крайне любопытны. Внутри ясно выраженный стиль эпохи Николая Павловича.

Залы, мебель, люстры (дѣльныя и золоченыя), занавѣски, каминныя экраны — все это эпохи поздняго классицизма. Старинныя обои, золото рамъ и люстръ, блестящій паркетъ, рѣзьба на красномъ деревѣ мебели, съ привкусомъ возрождающагося рококо эпохи начала царствованія Александра II.

Вотъ нѣсколько типовъ усадебъ Смоленской губерніи. Есть здѣсь и иныя по обработкѣ сооруженія. Напримеръ, „Пречистое“ Муромцевыхъ — англійская готика очень своеобразныхъ формъ, но къ этимъ усадьбамъ мы еще вернемся.

Георгій Лукомскій.

Токарево (Смоленск. губ.), имѣніе Крахтъ.

Бронзовая статуя
князя Юсифа Понятовскаго,
работы Горальдсена.
Стоитъ на одной изъ террасъ
парка въ имѣніи св. княгини
И. И. Паскевичъ въ Гомелѣ.

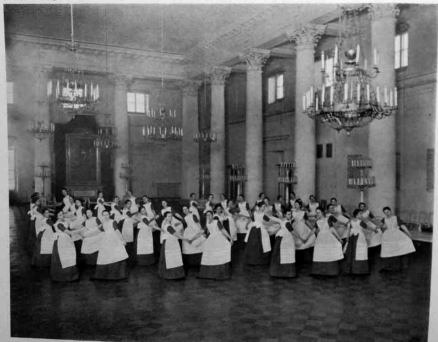
ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ИНСТИТУТЪ.
(УЧИЛИЩЕ ОРДЕНА СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ).
Постр. Д. Кваренги (1804 г.).

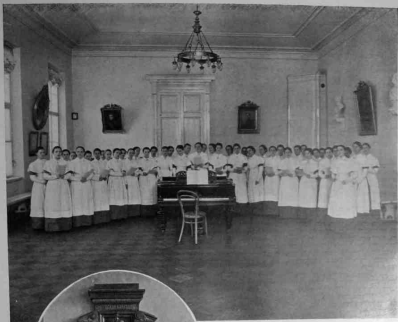
Фасадъ Института по наб. Фонтанки.

Фотогр. изъ музея художеств.

Урокъ танцевъ I класса.

Фотогр.
 пейзаж
 художника

Урокъ гімназі.

Пам'ятникъ принцу
 Петру Георгієвичу
 Ольденбургскому
 въ зданні Інститута.

Урокъ гімнастики
 приготівельного,
 VII и VI классовъ.

Таким составным исключением была женщина в свое время Параша Ковалева, родившаяся в 1758 году из семьи крестьянского кузнеца Ивана Ковалева и умершая в 1803 году графиней Прасковьи Ивановны Шереметевой, дамой супругой графа Николая Петровича Шереметева.

Параша Ковалева знакома нам не только по архивным документам, но и по народной песне, сложеной анонимным автором в те годы, когда еще была жива память обо всем, что делала для многих отношений женщин. Песня эта известная до сих пор среди молодых поэтов жителями "Шереметьевской".

В. А. СЕРГЕЕВИЧ.
С. 191.

рой жизни становится пуста, и у него явилась рьяность выжить с ней.

Бракосочетание состоялось в ноябре 1800 года, но оно держалось на тайне до рождения ребенка. Однако, графиня не долго пришлось пользоваться своим новым положением: она умерла в феврале 1803 года, разбив своей смертью все надежды и счастье мужа.

Как женщина чужая, отшельница и никогда не забывавшая свое скромное происхождение, Прасковья Ивановна забыла былые суеверия на добрый дядя и отчасти благодаря этому память об обязательной графинь-аристократке сохранилась в народе еще долгое время.

С Прасковью Ивановну не раз писали портреты, как крепостные художники, так и художники, прибывшие из-за границы.

Похоронена здесь графиня из театрального музея В. В. Протопопова была сделана с одного из таких портретов. Это своего рода улика.

Что касается портретов Прасковьи Ивановны, как больничных—в костюмах с длинными рукавами, так и миниатюрных, то почти все они бережно сохраняются здесь от любительных авторов из усадьбы семьи Шереметевых. Впрочем, один из них, приписываемый то Акакию Кауфману, то крепостному художнику Николаю Аргунову, был выставлен в некоторые времена на Таврической Выставке 1905 года. Теперь он находится в музее Шереметевых «Останкино».

Николай Брячиславов.

ИЗ РАЗГОВОРОВ.

«Вся жизнь состоит из пустяков».
(Из сказки о молодом философе).

— Не пить никак! Нить благодарно покорно! Даже если прав наш милый доктор, что самая ничтожная доля алкоголя уже отравляет мозг, и весь организм, и душу, я все-таки не откажусь от бутылки такого Ришбура, даже этого кричайшего Вонгсоне, ибо с ним на час-другой возвращается молодость...

Пушконт советовать пить смолу, помните:

Пейте за радость
Юной любви,
Сражаете молодость,
Дым мой.
Кубок индустрий
Положенье
Я, благодарный,
Пью—за вино».

— «Мало ли кто советовать пить? Я уверен, что и наш милый доктор против этого только по неперпной обязанности. Доктора обязаны думать, что все болше нужно лечить—это громадное заблуждение! Иногда лучше примириться с болшею. Того нельзя, этого нельзя, можно рись, пожайте туда, не пейте вина, можно Эмис—нить лучше болть в таком случае».

Посмеялись, выпили еще по бокалу Ришбура, снова поговорили.

— Не то Дома, не то Дома писал, что одна ночь пьяного дебоша, ночь, отданная вину, стоит тома сочинения: так много тратится нервной силы.

Но вино и вдохновляет. Мозг на время работает с подъемом, мысли ярче, острее, остроумнее... Вино длает людей добрее, понижает напреженность нервов, отвлекает от засаженного в душу горя».

Так говорил старший из нас, уже с сединами, уже с мышками около глаз. Он пробыв и провлял два состояния—бабушки и двоюродного дяди—по счастью для него случайно, у них не было болше близких родственников.

Говорили вообще о вине. Каждый добавлял, что знает.

Вспоминали о какой-то бутылке Го-Брион, которую угощали во Франции знакомый князь Голицын,

выпивавши эту бутылку из России, из своего погреба, или как он называл, «музея вина». Бутылка была 1808 года и цыны не имела—это была улика! Вспомнили о хересе 1830 года, который танулся, как масло... Говорили о странном влиянии на хлебную водку времени цветения пшеницы: водка тоже начинает бурлить в это время, точно в ее элементах сохранились еще те же жизненные начала, что и в новом зерне.

— «Удивительно действие тропиков на вино» — рассказывал один из нас, — «самое посредственное вино, побывавши в качке под тропиками, становится мягким и ароматичным, говорят, оно болше какой-то тропической болшею и длается поэтому тошнее».

— «Это понятно! Каннибалы с Ново-Гибридных остронов предпочитают амеичичьих блях, находить, что они вкуснее совсем здоровых: у них мясо жестче», — добавлял один из нас, склонный к пародоксальным мыслям.

— «Это шутки, а серьезно говоря такое странное влияние тропиков—не тепла и не качки, а непремьного тропиков—до сих пор не объяснено».

— «У меня подлага, часто мучительная, но если миф показать запивленную бутылку с таким, знаете, внутренним плотным налетом какогонибудь старого Монтрана или сухого Токайского, я буду пить вопреки всякой осторожности! К тому же моя бабушка, за всю жизнь, говорит, не выпала и рюмки алкоголя, а тоже умерла от подлагри».

— «Настроение, какое дается таким превосходным вином стоит не меньше, чем подлага».

— «Да, но вы забываете самое главное: для того, чтобы вино доставляло наслаждение, его нужно не пить... Когда его пьешь сегодня, пить вчера и станешь пить завтра—оно перестает давать то настроение, о котором вы говорите»...

Ничего не ршили, ни к чему не пришли, кроме того, чтобы собраться опять через мисцы: кто-то общал достать удивительный Штейнлейг.

В. Крымов.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ КАРТИНѢ „ПЛЯШУЩАЯ ИСПАНКА“.

Эта картина является первымъ футуристическимъ произведеніемъ міра, созданнымъ до опубликованія манифеста футуристическихъ живописцевъ, проповѣдующихъ динамическій дивизионизмъ.

Задача этой картины дать впечатлѣніе движущейся танцовщицы. Въ разрѣшеніи этой задачи авторъ исходитъ изъ слѣдующаго соображенія: наблюдая движущееся тѣло, мы замѣчаемъ, что части его мелькаютъ передъ нами различными своими сторонами такъ, что глазу представляются почти одновременно, напр., передняя, задняя и боковая стороны наблюдаемаго тѣла. Приводя „разрозненные“ движеніемъ части въ порядокъ (чтобы освоиться съ предметомъ въ его нормальномъ положеніи), глазъ испытываетъ вѣкое специфическое утомленіе, снижающее о вѣличности самаго движенія, какъ объекта воспріятія.

Н. Евремовъ.

Почитая эту „композицію“ Н. Н. Евремова, редакція отнюдь не думаетъ стать футуристическимъ органомъ, а отнестись ей къ себѣ, какъ къ одному изъ характерныхъ проявленій современнаго „баухауза“.

Графиня Сапари съ дочерью.

Дети графа Сапари.

АВСТРИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Comte Frederic Szapary de Szapar Mura-Szombai et Szichy-Szizet.

Графъ Сапари началъ свою дипломатическую карьеру
 въ атташе Австрийскаго Посольства въ Римѣ. По-
 редъ назначенъ въ Россію онъ занималъ должность
 начальника иностраннаго отдела въ Министерствѣ
 Иностраннѣхъ Дѣлъ въ Вѣнѣ; въ Петербургѣ онъ
 являлся посломъ осенью 1913 года. Графъ женатъ
 на принцессѣ Виндизгрейцъ, у него четверо дѣтей.
 Графъ большой любитель искусства, большой спор-
 тсменъ.

АВСТРИЙСКОЕ
 ПОСОЛЬСТВО.

Группа членов австрийского посольства.
 Сидят направо: посол граф Сапари; советник
 посольства — граф Черник; аташе — граф
 Фестинг; 1-й секретарь — принц Фюрстен-
 берг; секретарь — граф Цаки; военный аташе —
 принц Гогенлоу-Вальденбург-Шаллингфюрст.

Вестибюль.

Бальный зал — из открытую дверь виден
 вестибюль; на камин — бюст Марии Терезы.

Большая гостиная: около камина—портрет Императора Франца, над диваном—портрет Императора Иосифа II, в углу на мольберте портрет старшего сына посла „Ласло“.

Посольская римско-католическая капелла. Престол выполнен рунами русских кузнецов; орнаменты в византийском стиле. Интересна раскраска свода. Мессы совершаются в капелле каждое воскресенье и в дни особых торжеств.

Фасад здания австрийского посольства
по Серпуховской ул.

Галлерея съ портретомъ Императора Франца-Иосифа
(портретъ работы Вильгельма Витта).

Мы сошлись на свиданье случайно
Въ садъ, объятый вечернею тайной.
На скамейкѣ подъ яблонью старой
Мы сидѣли смущенною парой.
Ароматы струили съ куртины
Резеда и левкой и жасмина;
Опылняя, какъ томная греза,
Распускалися алыя розы.
И укропа духъ пріятный и сладкій
Донесли огородныя грядки.
Съ любопытствомъ лукаво и смѣло
Сквозь деревья луна къ намъ смотрѣла.
Мы, глаза опустивши, молчали,
Но сердца наша громко стучали.
Словно тщетнымъ томясь ожиданьемъ,
Они сами спѣшили признаваться;
Словно высказать сами пытались,
Чего мы открыть не рѣшались.
Ночь пришла, но земля не заснула.
Отъ пруда вѣтеркомъ потянуло.
Заливались въ немъ хоромъ лягушки,
Имъ кузнечикъ отвѣтилъ съ опушки.

И назойливый рой комариный
Взвился съ маршемъ побѣднымъ надъ тиной.
За деревьями домъ двухъ-этажный
Наблюдать насъ серьезный и важный.

Мих. Малозем.

Много въ небѣ огней,
Много яркихъ очей
У ночей.
Но межъ ними луна
Держитъ путь свой одна.
Да, одна...
Много въ мірѣ людей,
Только нѣту друзей,
Нѣтъ друзей...
Одинока душой
Ты живешь сиротой...
Сиротой...
И какъ въ небѣ луна,
Ты томишься одна.
Да, одна...

М. Бобринскій.

Н. П. Балашовъ.

(Шаржъ * * *).

ВЪ ТРЕХЪ СТАРЫХЪ УСАДЬБАХЪ.

(Окончаніе).

Вологодско-Степановское, Тверской губ.
Янний Елиз. Алексеевич Нарышкин
и Алекс. Алексеевич Козлов
(род. князя Кураскина).

— Какъ прослышимъ, что она ѣдетъ, старшіе крестiane со всей волости идутъ къ ней. Ну, поздороваются: «здравствуйте, мужички! Какъ трудитесь, какого ждете урожая?» Обо всемъ и перепокутуть. У ней просто. Ко всякому сама выходитъ. Сколько она раного нашего народа въ Петербургъ на мѣста опредѣляла, которые солдатыню отслужили... Коли весной прѣѣдетъ, сейчасъ по школамъ начинается ѣздить, на экзамены...

Такъ повѣствовало вѣзній меня подъ вечеръ янний о помѣщицѣ, къ которой я ѣхалъ, влѣтательной петербургской дамѣ. Она пополамъ съ сестрой своей владела обширнѣйшъ родовымъ княжескимъ имѣніемъ со старинной усадьбой.

— Вотъ видите, домъ изъ-за деревеньки смотрите! Мы ѣхали въ длинную алею. Сбоку стоялъ двухэтажный домъ голландскаго стила для управляющаго и длинная каменная службѣ. Завернули. Открылась большая площадь передъ домомъ, смотрѣвшимъ въ пустой паркѣ.

Что за величественный empire!

Высоко поднятый на фундаментахъ трехэтажный домъ съ выступающей посерединѣ сильно впередъ широкой ротондой и съ разлѣвающимся далеко въ стороны крыльями. Торжественно и вышѣ легко. Боковая громадная тераса заставлена растениями и цвѣтами.

Вечеръ въ уютныхъ комнатахъ съ англійскимъ комфортомъ, съ семейными портретами именитыхъ художниковъ на стѣнахъ, прохлдитъ въ разсказѣ о строителѣ усадьбы, большомъ вельможѣ Павла и Александра. Вотъ онъ, прозванный въ одной изъ европейскихъ столицъ за свое великолѣпіе «бриллиантовымъ», въ бархатномъ костюмѣ, съ широкимъ жезломъ и добродѣтельной улыбки, родоначальникъ нѣсколькихъ имъ начатыхъ стѣла новахъ баронскихъ родовъ... Какое вліяніе—давать à ces bâtards прямо баронскіе титулы! Былъ великодушнѣе. Только недавно потомки его узнали, что въ Украинѣ онъ отпустилъ на волю съ землею нѣсколько тысячъ крестьянъ.

Утро посвещено осмотру дома. Длинныя ряды парадныхъ комнатъ громадной вышины, съ петронной въ теченіе нѣка мебелию. Длинная портретная галлерея съ знакомыми по воспоминаніямъ портретами, поразительныя бра на стѣнахъ въ аршинѣ вышины, люстры: одна въ видѣ бронзовой вазы, обставленной гнѣздами для свѣчъ, другая—рядъ кружковъ изъ хрустала, а отъ одной трудно оторваться: нѣсколько четырехугольных, суживающихся сверху ярусомъ густыхъ хрустальныхъ зерелъ, убивающихъ каскадомъ хрустала.

Драгоценныя столы съ фарфоровыми вазами, стулья поразительнаго изящества съ gobelénной обивкой; въ боковыхъ глубокихъ комнатахъ, гдѣ, вѣроятно, десятилетия никто не почевалъ, широкіи кронати подъ балдахинами, и всюду портреты и портреты.

По торжественной лѣстницѣ мы поднимаемся въ половину другой сестры. Глаза уже устали любоваться вещами... Но хозяйка углубилась въ такую кувшетку à la Récamier, что я восклицаю:

— Пожалуйста, снимите съ нея фотографію!

Окруженныя бока и тонкій перистый золотой бордюръ—необычайно нарядно и просто.

Въ третьемъ этажѣ домашняя церковь и памятникъ умершему 20-лѣтнимъ кавалергардскимъ офи-

церомъ, дядѣ хозяекъ. По портретамъ—сверкающее жизнью и умомъ глаза. Положенъ за 10 верстъ въ приходской церкви, а тутъ—копѣя съ надмогильнаго памятника.

Противъ церкви по коридору—громадная кладовая съ посудой и фарфоромъ. Большая рѣдкость, cache-coûtils—овальный, краснаго дерева, встрѣчавшійся мнѣ въ жизни раза два.

— А такой у бабушки еще есть внизу,—говоритъ вничую хозяекъ, водившій меня по верхнимъ этажамъ.

Потомъ садъ въ оградѣ, съ бѣлыми четырехугольными столбами и широчайшей дорогой, какъ въ паркѣ Петровскаго-Разумовскаго, подъ Москвою,—отъ дома въ поле дремлющій прудъ и сѣвѣющийся черезъ изгородь заболоченный лугъ. Смотримъ на домъ съ другой стороны, откуда былъ прежде подъѣздъ, идемъ къ большому бѣлому обелиску, проходя въ рабочей части усадьбы, длинному каменному дому съ башней,—первоначальный господскій домъ времени Петра Великаго, гдѣ теперь живутъ рабочіе,—къ каменному обширному скотному двору, гдѣ встрѣчаемъ скотника, собирающагося въ Ярославль за молочными коровами, въ конюшню, гдѣ вничую, мальчикъ 16—17 лѣтъ, сильный, лихо правящій тройкой, въ своей сферѣ.

Послѣ завтрака отправляюсь смотрѣть церковь, выстроившую помѣщицей въ большой деревнѣ, гдѣ ея вовсе не было, вѣрстѣхъ въ шести отъ усадьбы. Церковь городского вида, трехпрестольная.

За церковью—родникъ студеной воды, почитаемый цѣлебнымъ. Въ просторной часовнѣ надъ родникомъ прохладно и уютно. Въ Тихвинскую—имя ликовъ—бываетъ большое стеченіе народа изъ окрестныхъ волостей и урмири. Въ этотъ годъ впервые не было на ярмаркѣ погребка со спиртными напитками, какъ ни надбавляли за него цѣну.

Помѣщица ведетъ дѣятельную борьбу за народную трезвость. Заведено приходское общество трезвости, вербующее въ свои ряды и подростки, такъ какъ трезвость легче всего для человѣка, который никогда не бралъ въ ротъ ничего хмельнаго... Взрослыхъ трезвенниковъ изъ своего села 60 человѣкъ, да изъ окрестностей свыше 100.

Недалеко отъ церкви стоитъ сѣнѣе недавнее зданіе Народногаго дома съ чайной.

— Надо же мужику гдѣ-нибудь собраться, о своихъ дѣлахъ перетолковать. Такъ вотъ, пускай въ чайную и ходятъ: чисто, просторно—говоритъ приходскій батюшка.

При Народному домѣ живетъ и обслуживаетъ его, хранитъ стекла картинокъ волшебнаго фонаря, опытный человѣкъ изъ солдатъ. Онъ можетъ и читать для народа.

Отрадно было войти въ очень просторный, въскопый, съ громадными окнами, залъ Народнога дома. Впередѣ—эстрада, которая можетъ быть превращена въ театральную сцену, на эстрадѣ стоятъ рояль. Вся зала была заполнена длинными скамьями съ проходами, восреднѣ.

— Исполнѣ строителѣннѣ,—сказалъ священникъ, радостно обходя взоромъ свѣжѣе бременитыхъ стѣлъ—этимъ домомъ она большое дѣло сдѣлала. Ни одного членѣ не прохлдитъ безъ того, чтобы онъ не былъ переполненъ. Впередѣ предъ скамьями дѣтей сажаемъ, а за скамьями стѣной стоятъ кто поможе пришель... Вотъ недавно къ намъ сюда приходила экскурсія изъ школьничковъ Московскаго уѣзда—140 человѣкъ было. Мы ихъ тутъ принимали, членѣ для нихъ устроили. Давались они на нашъ домъ...

теснить на солнцѣ красный фундамент, залой весной больницы, гдѣ деревенскія дѣвушки учить ходитъ за больными. На лужку играли цѣлыя сиротки монастырскаго приюта.

А стоящая въ шести верстахъ величественная каменная усадьба внимательно всматривалась во всѣ

эти пушенные изъ себя побѣги. Эта старая усадьба „бриллиантоваго“ князя, съ сохранявшимися въ ней блескомъ „былыхъ торжественныхъ временъ“, рассылала изъ себя въ окрестныя деревни лучи помощи и знанія — и тѣмъ оправдывала себя...

Е. Положева.

„ЕЛИЗАВЕТИНО“
 гг. ОХОТНИКОВЫХЪ.

Фасадъ къ лѣви Балтійской ж. д.
 Постройка временъ Им. Елизаветы Петровны.

Зала въ два свѣта.

Фасадъ Елизаветинскаго дома со стороны парка.

предникъ, это былъ охотничій домикъ Елизаветы Петровны, здѣсь часто устраивались пикины и охоты—это мѣсто Люперина II носила сама здѣсь своего сына (отъ графа Орлова) графа Бобринскаго. Въ домѣ жилища сохранился портретъ графа въ дѣтствѣ. Затѣмъ жилище было подарено гардеробъ-мей-

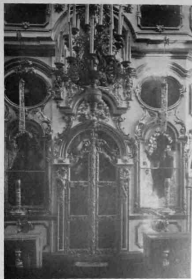
стеру императрицы, дѣйствительному тайному совѣтнику Шкурину; отъ него перешло его племяннику Волконскому, отъ которыхъ приобретено княгиней Елизаветой Эсперовной Трубецкой, а отъ нея перешло по наследству дочери, по мужу Охотниковой.

Семья штаб-мейстера Влад. Ник. Охотникова лѣтомъ жила въ жилищѣ и тогда тутъ на время воскресаетъ жизнь прошлаго...

Церковь въ Елизаветинѣ.

Построена въ 1766 году дѣйств. тайн. сов. гардеробъ-мейстеромъ Василіемъ Григорьевичемъ Шкуринымъ.

Иконостасъ въ церкви Елизаветина.

„ЕЛИЗАВЕТИНО“ гг. ОХОТНИКОВЫХЪ.

Прудъ въ Елизаветинскомъ паркѣ.

О ГОСТЕПРИИМСТВѢ.

Английское гостеприимство, въ противоположность гостеприимству шотландскому, которое впрочемъ уже давно въ по- слоуи (во французскомъ языкѣ существуетъ даже погов- орка „гостеприимствъ, какъ шотландскъ“), обходится довольно дорого тому, кто его принимаетъ.

Обыкновенно это приглашеніе проводится въ деревнѣ, на донѣ природы, концы недѣли „week's end“, т. е. отъ субботы до понедѣльника или же, во гораздо рѣже, на цѣлую не- дѣлю во время каникулъ или въ сезонъ охоты. Въ обоихъ случаяхъ приглашенный не долженъ забыть взять съ собою фракъ, костюмъ для тенниса и побольше мелочи — рекомен- дуется положеніи.

На ближайшей отъ виллы станицѣ васъ встрѣчатъ грумъ съ малевкой телѣжкой или шофера „driver“ со строгими и часто избитыми ливсами кѣдрами high-clutch. Не пытайтесь никогда заводить съ этими господами разгово- ры, вы все равно ничего не поймете изъ ихъ отрывистыхъ, горланящихъ отговорокъ.

По прибытію въ усадьбу васъ сейчасъ же проводятъ въ отведенную для васъ комнату, гдѣ приставленный къ вамъ особъ давай очень быстро, но безъ всякаго стресса, раскла- дываетъ всѣ ваши чемоданы, повѣситъ пальто въ шкафъ, туалет- ные принадлежности поставитъ на столъ, а на кровать поло- житъ чистую бѣлую рубашку уже со вложенными низъ же за- топками, въ виду вашего переселенія къ обѣду въ тради- ционный фракъ.

Послѣ этого появляется старшій садовникъ. Это несмы- сленно ослѣпый и умиравшій себе держитъ джентльмена. Онъ попроситъ у васъ нѣсколько цвѣтѣвъ бѣлой гвоздики для пе- тлины фракъ и буетъ роль, чтобы украсить лампадныя лампы вашей комнаты. Вниманіе этого человека, конечно, не можетъ васъ оставить равнодушными и вы всматриваете въ немъ пере- рывъ отъѣзда, въ противномъ случаѣ онъ самъ вамъ о себѣ напоминаетъ.

Встрѣча съ хозяевами происходитъ обыкновенно передъ обѣдомъ или, если вы прибыли очень рано, то передъ тѣмъ, какъ садитесь завтракать. Если, кромя васъ, есть еще и другіе гости, то знакомитесь съ ними вамъ предоставляется самому. Хозяева очень рѣдко когда представляютъ спонсѣмъ гостей другъ другу и даже часовъ своей семьи вамъ уже самому приходится находить справки и догадываться о со- знающемъ и родственномъ положеніи присутствующихъ.

За столомъ претутствіе очень часто прерывается англи- ской „cant“, общаго разговора почти никогда не бываетъ, бесѣды ведутся между банкетными и сдѣланными сосѣдями, притѣмъ никто абсолютно не интересуется личностью своего сосѣда.

Въ некоторыхъ домахъ Ирландіи и Шотландіи суще- ствуетъ еще обычай позвать къ столу традиціонный ростбифъ не разрываясь.

Метръ-д'отель ставитъ это передъ самымъ молодымъ изъ сви- дѣвшихъ за столомъ и тотъ принужденъ его раздѣлать. Это—большая честь, которую дѣлаетъ хозяинъ своему явному гостю, но при томъ, кто не сумеетъ раздѣлать ростбифа, какъ того требуютъ правила и кулинарные традиціи. Я знавалъ некоторыхъ молодыхъ людей, которые передъ тѣмъ, какъ ѣхать гостить въ дома „старого загла“, брали уроки рѣзанія ростбифа.

Послѣ обѣда или завтрака вамъ предоставляется полдня сво- бода дѣлать. Никто вамъ не занимается, но и вамъ не нужно ничего занимать. Парти или кружки образовались по личной инициативѣ или семаціи, но хозяева этому совершенно не спосо- бствуютъ.

По вечерамъ мужчины собираются въ курительную комнату, курятъ трубку, пьютъ „киррети“ или чаще „whisky and soda“ а большую часть времени молчатъ.

Въ 11 часовъ все усадьбу уже спитъ. Удовольствие пожить такъ день другой обходится довольно дорого. Я знала какъ-то изъ раскладной книжки одного моего пріятеля, человека аккуратнаго и экономнаго, нѣсколько шифръ, касающихся тѣхъ часовъ, которые ему пришлось раздать послѣ двухдневнаго пребыванія въ усадьбѣ одного богатѣйшаго лорда.

Вотъ эти шифры:

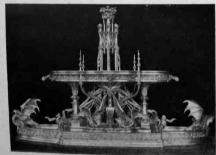
- Метръ-д'отель — 10 руб.
- лакей — 10 руб.
- первой горничной (pauour maid) — 5 руб.
- второй горничной — 3 руб.
- двухъ выданныхъ лакей — по 3 руб. каждому.
- старшему повару — 10 руб.
- младшему повару — 5 руб.
- шоферу — 10 руб.
- груму — 3 руб.
- старшему садовнику — 10 руб.

Г. Губернаторъ.

Золотой чайный сервизъ, принадлежавшій княгинѣ М. П. Про- зоровскій-Голыциной.

Сервизъ принадлежалъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ 1793 г. Императрица гостила у князя Сергія Михайловича Голыцина изъ его имѣнія „Кузьминка“, послѣ Москвиты и уѣхавъ, приказала оста- вить въ память этого пребыванія, князю Голыцину свой чайный сервизъ. Княгиня Прозоровская-Голыциная получила этотъ сервизъ послѣ смерти своей матери, рожденной княгини Трубецкой, которая, въ свою очередь, получила сервизъ отъ князя С. М. Голыцина.

Serviet de table изъ серебрянаго сервиза въ голландскомъ стилѣ (примолд. гдѣ-то В. П. Голыца, рожд. Пазанковъ). Какъ известно, подобное существовало серебро только въ современныхъ жидарахъ, пришлось самимъ выработать стѣль изъ дешевой утѣли.

A black and white photograph of a marble sculpture of a seated female figure, likely a Greek or Roman goddess or queen. She is seated on a simple wooden chair, looking slightly to the right. She wears a long, flowing dress and a head covering. The sculpture is set against a plain, light-colored background.

ПОРТРЕТЫ ВЪ СКУЛЬПТУРѢ.

Мраморный бюст О. К. Юрьевича работы гр. Л. Л. Толстого.

Между другими работами гр. Л. Л. Толстого, которые он выставлял на разных выставках в Петербурге, Париже и Лондоне, обратила на себя внимание бюсты гр. Л. Н. Толстого, гр. С. А. Толстой, мраморный бюст маленькой дочери Лизы Леоновича и иконостасов голову японоязычского крестьянина.

Въ Парижѣ Л. Л. занимался, кроме академич., у знаменитаго Родена, котораго онъ ярый поклонникъ.

Одним из бюстов Л. А. Толстого находится в Нью-Йорке в „Национальной галерее искусств“, другой продается в Америке на издании художественно-консервной фирмы Тиффани (богатейшая ювелирная фирма).

Высоко прежнего обихода заказывать художникам свои портреты, аходить в моду обыкновение делать за себя статуэтки небольшого размера изъ пластелина, фарфора или бронзы. Находить, что пластическое искусство съ гораздо болышею выразительностью и отчетливостью, нежели живопись на полотне, передать съвѣсть и черты лица, движеніе фигуры, грацію, позы и т. д.

Одним из инициаторов этого жанра в Петербурге является молодой скульптор бар. Рауль-фон-Таубенберг.
Им уже исполнены статуэтки с кинжаль (Л. Н. Щербатовой, г-жи Вейсера (рожд. Быховцев), г-жи Н. А. Гревса, князя С. М. Радзвильского).

Теперь бар. Рауль-фон-Траубенберг работает на ст-
гузиков М. Э. Мамонской, которая будет, понадеявшись, очень
удачной.

Академ. Беклемисевъ въ своей студии дѣлать
съ артистки Императ. балета Барашъ.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

...На дняхъ продана съ аукциона villa покойнаго doyen Михайловскаго театра Андрѣ въ маленькомъ городѣ Рюейль около Парижя.

Villa эта хорошо знакома многимъ петербургскимъ театрамъ, первѣе послѣднимъ Андрѣ въ его уютномъ уютѣ.

Лѣтомъ, по четвергамъ, сюда собирались все мѣстное общество: мэръ, супремъ съ женой, нотаріусъ и др., а также гости изъ Парижя, среди которыхъ бывала К. А. Скалковскій, генералъ М. Н. Анненковъ, В. Н. Герардъ, Ф. К. Холмъ и др. петербуржцы.

Андрѣ, былъ хозяинъ очень прѣзентабильный и хлебосольный, и гости часто засиживались у него съ утра до поздняго вечера.

Графъ Менгеловъ, адъютантъ Вел. Князя Николая Николаевича, считается первымъ въ Россіи "натишникомъ-спортивнымъ".

"Въ чемъ это искусство?"

— "Это нельзя передать словами... данъ этого нѣтъ правилъ... Нужно чутье. Я помню, какъ мена училъ знаменитый нахадникъ верховой ѣзды. Было много такихъ движеній, которыя словами передать нельзя: сечь бразъ мою руку въ свою, вкладывать въ нее поводья, повертывать ее, какъ нужно, и говорилъ: "вотъ такъ"... Также и нитаска. Тамъ, бѣже, что у каждой собаки свои особенности"...

...Одна изъ петербургскихъ ювелирныхъ мастерскихъ изготавливаетъ статуэтки изъ цѣнныхъ (не драгоценныхъ) камней: нефрита, яшмы, оникса и даже гранита. Между прочимъ по заказу Государя Императора изготавливаются военные формы и эти статуэтки будутъ храниться въ архивахъ, какъ иныбже прочные документы. Это своего рода папюски, которые въ сотни разъ долговѣчнѣе нашей современной бумаги, издаваемой уже черезъ сто лѣтъ.

Интересно отмѣтить, что и сейчасъ государственныя акты особой важности изготавливаются для архивовъ не на бумагѣ, а писанные на пергаментѣ, и хотя такіе экземпляры обходятся въ тысячи разъ дороже обыкновенной печатной книги, ихъ приходится дѣлать ради борьбы съ всеобщимъ временемъ.

Эти каменные документы, понятно, не красятся, а полируются камнемъ нужныхъ цвѣтовъ и изъ нихъ составляются статуэтки...

ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНОЙ КОЛЛЕКЦИИ В. Я. СВѢТЛОВА.

Статуэтка Камарго (старинный сценаръ), чугунная ножка Фениа Эльсера, на холонѣ—Л. Ф. Шолларъ, юнга Анны Павловой, головка Клео-де-Мероль и статуэтка Терпсихоры.

ВЪ ЗРИТЕЛЬНОЙ ЗАЛѢ.

ТѢНИ ПРОШЛАГО.

(Изъ записной книжки балетомана).

К. А. Скальковский въ теченіе долгихъ лѣтъ занималъ кресло въ первомъ ряду, въ единственномъ тогда балетномъ абонементѣ. Лѣвѣе отъ него сидѣлъ Н. М. Безобразовъ, а правѣе Е. Н. Чаплинъ. Это были балетоманы въ прежнемъ значеніи слова. Они любили балетъ искренно, горячо, едва ли не больше всего на свѣтѣ. Ихъ нѣтъ, они умерли, до послѣднихъ дней жизни оставшись вѣрными своему любимому искусству...

Я помню, какъ Безобразовъ, тяжело больной, никогда уже не выходившій, чувствуя надвигавшійся конецъ, захотѣлъ еще разъ—въ послѣдній разъ—посмотрѣть балетъ. Съ большимъ трудомъ явился онъ въ театръ, радостно сѣлъ въ свое кресло и приготовился смотрѣть. Но заигралъ оркестръ увертюру къ „Ручью“, и Безобразову сдѣлалось нехорошо: отъ яркаго свѣта, отъ толпы, отъ звуковъ музыки у него закружилась голова и большое сердце стало давать перебой. Онъ уѣхалъ до поднятія занавѣса, такъ и не увидѣвъ балета.

Въ первомъ же ряду сидѣлъ и братъ Константина Аполлоновича Скальковскаго, Павелъ Аполлоновичъ. Незадолго до смерти его разбилъ параличъ. Всѣ думали, что не увидать его больше въ балетѣ, но какъ только онъ немного оправился, такъ сейчасъ же и появился. Правая его рука, въ бѣлой перчаткѣ, была на переноси, лѣвой онъ упирался на палку, прижалъ въ театрѣ и уѣхалъ въ сопровожденіи сестры милосердія. Видимо, ему трудно далалось посѣщеніе балета, но онъ не могъ отказать себѣ въ этой сладкой привычкѣ.

Чаплинъ былъ моложе ихъ, и когда назначенъ былъ петербургскимъ почти-директоромъ, буквально заваленный новой работой по переустройству Главнаго Почтамта и разными реформаторскими затѣями на европейскій ладъ, которыми онъ не безъ основанія гордился, онъ все-таки не пропускалъ ни одного балета, и хотя акти или два, но сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ. Онъ былъ платонически увлеченъ тогда одной милой солисткой, которой давали иногда, въ видъ пробы, танцовать отдѣльные небольшіе балеты. Въ такихъ случаяхъ онъ въ антрактахъ ловилъ по коридорамъ видныя балетныхъ критиковъ, любовно обнималъ за талію, спрашивалъ ихъ мнѣніе, радовался, если они сходились съ нимъ въ оцѣнкѣ дебютанки, и заискивающимъ голосомъ прибавлялъ:

— N'est ce pas, qu'elle aita une bonne presse? И она имѣла эту „хорошую прессу“, во-первыхъ, потому, что была вполне достойна ей, а, во-вторыхъ, потому, что критикъ того времени былъ добродушный и ласковый.

А, вотъ, еще видная фигура абонента Ф. К. Холма. По профессіи онъ былъ старшимъ биржевымъ нотаріусомъ, по личнымъ вкусамъ и влеченіямъ—горячимъ театраломъ. Буквально на одного вечера своей жизни, за исключеніемъ рѣдкихъ дней недомоганія, онъ не проводилъ внѣ стѣнъ какого-либо театра. Акку-

ратно, ровно въ 8 часовъ, онъ являлся въ зрительный залъ, усаживался въ свое кресло въ первомъ ряду, и ровно въ 11 часовъ покидалъ театръ, хотя бы представленіе еще не кончилось. По его появленіямъ и исчезновеніямъ можно было провѣрять часы. Даже въ послѣдніе годы жизни, бодро неся на плечахъ бремя восьмого десятка, онъ не измѣнялъ этому обыкновенію, этой преданной любви къ огнямъ рампы. Если театры по случаю кануновъ праздниковъ были закрыты, Холма можно было найти въ какомъ-либо кинематографѣ или даже на репетиціи въ циркѣ. Это былъ художавый, молодцоватый державшійся старикъ, всегда элегантно одѣтый. Въ антрактахъ балета онъ приходилъ въ полицеймейстерскую комнату и общуждалъ съ другими балетоманами, имѣвшими входъ къ полицеймейстеру*, только что прошедшій актъ. Онъ всегда былъ окруженъ танцовщицами, какъ роemъ красивыхъ мотыльковъ, и угощалъ ихъ конфетами изъ серебряной бомбоньерки, которую всегда носилъ съ собою.

Онъ умеръ „на своемъ посту“, сильно простудившись въ театрѣ. Воспаленіе легкихъ свело его въ могилу въ нѣсколько дней и передъ этимъ большимъ театраломъ опустилась, наконецъ, тяжелая занавѣсъ и навѣки скрыла отъ него великую сцену жизни, на которой онъ видѣлъ такъ много комедій и драмъ. Я думаю, что такая преданность театру, такая трогательная любовь къ искусству, возможна только въ человѣкѣ, который самъ обладалъ артистической душой...

Балетоманы въ то недалекое отъ насъ время вообще отличались какой-то сектантской преданностью музѣ Терпсихорѣ. Ихъ отношеніе къ балету нельзя иначе назвать, какъ „служеніемъ“. На балетомановъ люди „солидине“ смотрѣли косо, съ легкимъ пренебреженіемъ и туловатымъ превосходствомъ. „У меня два сына“, говорилъ какой-нибудь отецъ семейства, „одинъ идетъ хорошо, другой—балетоманъ!...“ Вспоминается бытовая сценка, ярко характеризующая отношеніе балетомана къ его любимому искусству.

Н. М. Безобразовъ занималъ видное служебное положеніе въ Горномъ Департаментѣ, директоромъ котораго былъ К. А. Скальковский. Въ отдѣленіи Безобразова поступилъ молодой чиновникъ, только что кончившій курсъ Горнаго Института. Молодой человѣкъ пришелъ въ кабинетъ начальника съ докладомъ, къ которому тщательно приготовился. Безобразовъ сидѣлъ за большимъ столомъ, обложенный планами ложъ и креселъ Маріинскаго театра, спискомъ абонентовъ, кучами писемъ съ просьбами о мѣстахъ.

— Что вамъ?—досадливо спрашиваетъ онъ у молодого человѣка.

— Съ докладомъ къ вашему превосходительству,—отвѣчаетъ тотъ, приготовивъ вынуть изъ папки бумаги.

— Какой вадор!—раздраженно возражаетъ начальникъ,—развѣ это не можеть обождать? Вы идете, и занятъ бенефисомъ Лезьяни.

Новый чиновник не мог прийти въ себя от изумления, но... не прошло и года, какъ онъ самъ сдѣлался страстнымъ, преданнымъ балетоманомъ. Это былъ М. Р. Блюменфельдъ, недавно безвремено скончавшійся.

Въ Мариинскомъ театръ М. Блюменфельдъ сидѣлъ въ первомъ ряду, съ правой стороны. Правая сторона въ балетѣ всегда считалась очень солидной и выдержанной, и никогда отсюда не раздавалось никакихъ протестовъ, неодобреній и признаковъ неудовольствія. Но М. Блюменфельдъ занялъ у „правыхъ“ особую позицію и громко выражалъ свои мнѣнія.

Нелзя обойти молчалимъ и П. П. Мельникова, мирового судью. Это былъ остроумнѣйшій собесѣдникъ, всегда веселый и всегда уминый. Его острые словечки побивались, хотя онъ былъ добродушнѣйшимъ человѣкомъ. Я помню его шутивыя выходки-бутады. Садя него сидѣлъ абонентъ, который любилъ поддѣвать въ время дѣйствія, вторя оркестру. И при этомъ всегда невнясно пралъ.

— Никогда не зналъ, — повернувшись къ нему сказалъ съ самымъ серьезнымъ видомъ Мельниковъ, —

что въ партитурѣ „Коняка“ есть вокальное соло, и притомъ нѣтрно написанное...

Онъ часто шутилъ надъ другимъ балетоманомъ, также нѣтр покойнымъ, который никогда не помнилъ ни одного балета, и котораго можно было увѣрить въ чемъ угодно.

— Я что-то не припоминаю этого балета, — говорилъ балетоманъ, опоздавъ на „Ручей“.

— Какъ, развѣ вы не узнаете? — отвѣчать съ той же серьезностью Мельниковъ: — Это — „Эсмеральда“.

— Но какъ будто я ее видѣлъ иначе?..

— Это новая постановка, — не смущаясь говорилъ Мельниковъ, и балетоманъ удовлетворился и уѣзжалъ, не досматривая спектакля.

Мельниковъ писалъ рецензій о балетныхъ спектакляхъ талантливо, кратко; онъ остроумно, мѣтко подмѣчалъ дефекты спектакля. Его всѣ очень любили и долго грустили, когда его не стало.

В. Святловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНОЙ КОЛЛЕКЦІИ В. Я. СВѢТЛОВА.

Башмачки (сѣтъ направо): Талони, Заскаеръ, Вирація Цукки, Бранцы, Лемани; въ серединѣ жетоны Базрушина, даровые изъ сюжетно въ бенесисъ кораблеста — 8 лѣтъ; затѣмъ башмачки — Е. Соколовъ, М. Кисеинскій, О. Преображенскій, В. Трефиловъ, Анны Павловой, Т. Карзинина и Е. Гельмеръ.

„ШАХМАТНАЯ ЖИЗНЬ“ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Россіи, съ давнихъ поръ было много любителей шахматной игры. Юліанъ Гроушій, по преданію, умеръ за шахматной доской; Пѣтръ Великій часто развлекался шахматами на ассамблеяхъ; любилъ играть въ шахматы Потемкинъ и другіе екатерининскіе немцы. Въ позднѣйшее время сильными игрокомъ былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, часто игравшій со старыми шахматистомъ Ильей Степановичемъ Шуваловымъ.

Играли въ шахматы не только при дворѣ и въ городахъ, но и въ замкнутыхъ провинціальныхъ утлахъ. Въ нихъ собирались собранными силе, вѣнчанные изъ за гримасы художественной работы, шахматы изъ золота, серебра, слоновой кости, которыми играли дѣла и вѣрды.

Но долгое время не было центра шахматной жизни. Черезъ два года, въ 1916 г., исполнился сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда молодой М. И. Чигоринъ началъ издавать „Шахматный Вѣстникъ“, — первый въ Россіи серьезный журналъ, посвященный шахматамъ.

Въ ту пору, когда Чигоринъ началъ свое изданіе, петербургскіе шахматисты не имѣли постоянного узда, гдѣ бы могли собираться. Играли въ маленькомъ ресторанѣ Прадера на углу Вознесенскаго и Адмиралтейской площади, у Доминика въ небольшой и шумной, засквозъ прокопченной дымою, комнатѣ рядомъ съ бильярдомъ, въ имѣнномъ клубѣ. Здѣсь бывали любители выходящіе изъ тогдашнихъ петербургскихъ шахматистовъ: Э. С. Шифферсъ, А. Н. Гравескій, А. Н. Максимовъ, И. О. Юсъ и др.

Молодой и энергичный Чигоринъ, обладавшій большимъ организаторскимъ талантомъ, задумалъ создать для своихъ друзей — шахматистовъ такой утокъ, гдѣ бы они могли чувствовать себя дома и полноцѣнно вслѣмъ удобствами.

Послѣ долгихъ хлопотъ, ему удалось осуществить эту свою мысль. Оказъ дѣла, хороня знакомыя большаго пріятеля Чигорина покойника Дубровина, нашла на Мойкѣ издѣлку отъ Политехнаго моста большую квартиру, въ которой сама занимала лишь двѣ маленькія комнаты, а остальное помѣщеніе предоставляла въ распоряженіе шахматистовъ.

Такъ возникъ шахматный клубъ или, какъ онъ официально назывался, „Сѣб. общество любителей шахматной игры“. Здѣсь шахматисты за небольшой членскій взносъ, пользовались чашечкой, большимъ заломъ для игры, бильярдомъ и столовой, гдѣ ежедневно бывали веселые ужины, а разъ два въ мѣсяцъ общіе завтраки или обѣды.

Этотъ уютный шахматный утокъ привлекалъ сразу много посетителей, среди которыхъ были молодые сильные игроки: Н. Е. Митропольскій, С. И. Поллеръ, А. П. Шапкинъ, С. И. Спичкинъ, П. В. Отто и др. Нерѣдко устраивались одиоочерные „тамбала-турниры“, по категориямъ игроковъ, съ выигравъ проигравшій и другія призы побѣдителямъ. Два раза въ годъ бывали большіе турниры по категориямъ и „всѣхъ-всѣхъ-всѣхъ“ сильнѣйшихъ игроковъ, матчи: Чигорина съ Шифферсомъ, Алашинымъ и самарскимъ игрокомъ А. Н. Харламовымъ.

Этотъ клубъ, учрежденный въ началѣ 80-хъ гг., просуществовалъ нѣсколько лѣтъ, но его хозяйственная часть страдала хроническими дефицитами, такъ что онъ могъ прололать свою дѣятельность только благодаря щедрымъ субсидіямъ члена Гос. Совета П. А. Сабурова, всегда описывающагося на шахматному дѣлу съ несомнѣннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ.

Послѣ которагого промѣну Чигоринъ утратилъ снова возродить шахматное собраніе изъ трехъ комитетовъ, угруженнаго шахматному клубу собраніемъ сельскихъ хозяевъ. Въ этомъ мѣщеніи и былъ устроенъ въ 1895 г. международный „матчъ-турниръ“ съ участіемъ Чигорина, Паласери, Стейнса и Ласкера, на которомъ посѣдній и былъ провозглашенъ „семіоннымъ мѣр“. Съ тѣхъ поръ знаніе „семіоннаго шахматнаго короля“ и остается за Ласкеромъ изъ семени 18 лѣтъ.

Нынешнее составленіе первоначальныхъ шахматистовъ, также имѣющее международный характеръ, нѣсколько напоминаетъ эту первую попытку Чигорина привлечь въ Петербургъ иностранныхъ мастеровъ.

Если бы дожить до нашего времени Чигоринъ, то это составленіе явилось бы большимъ праздникомъ для него.

Ю. Морозовъ.

Елиза. Никол. Тавицдарова. Дочь
чл. Совѣта Мих. Фиданс. Управляющаго
эксп. затог. государств. бумага, т. с.
Н. И. Тавицдарова и его жены Ав. Аллоа.
рожа. Игнатьевой.

Екат. Конст. Злобина. Дочь гофм. Выс. Дв.
К. М. Злобина и жены его Екат. Мих., рожа.
Лавровой.

Бар. Конст. Георг. Корфф. Сынъ
умершаго бар. Георг. Корфа и его
(также покойной) жены, рожа. маркизы
Дассенви.

Влад. Алексѣевичъ Каменскій,
подпор. а.-гв. Егерскаго п. Сынъ
умершаго генер.-лейт. А. С. Ка-
менскаго и жены его Кавка. Влад.

НОВОБРАЧНЫЕ.

Спектакль, устроенный
книжницей А. А. Оболен-
ской въ пользу Але-
ксандровскаго дѣтскаго
пріюта.

Кл. А. А. Оболенская, М. Георгиевская, Е. К. Шидловская, Е. С. Извольская, М. фон-Циглеръ, М. Ф. Кохъ-
Затошанинъ; арт. Иск. тт. Е. К. Обухова, М. В. Порозовникова; граф. Ланскій, гг. Савинскій, Камаченко-
Завальскій и друг.

Базь вь цѣлѣныхъ паринахъ у А. С. Леонардъ (22 марта 1914 г.) въ ея роскошномъ особнякѣ въ Слб.,
бывшимъ князей Юрьевскихъ.

На стр. 15 по недосмотру оставлены
вычеты около слова Ласло (куд. László).

Список авторов: 1-й ряд: книги Голицына-Муралинца, В. В. Девяткин, А. П. Пестов, М. А. Шинкина, А. И. Комашинского-Комаш, Н. А. Шинкина, И. В. Игнатьев, В. В. Анисимов; 2-й ряд: А. В. Сулина-Самойлов, Т. Е. Утина, П. В. Шляховский, Е. Г. Земерев, бар. Врзое; 3-й ряд: Е. В. Дельсаль, К. В. Сулина-Самойлов, Е. В. фон-Розенберг, М. М. Бегулинский, С. С. Мамасов, бар. П. Гаврилова, М. У. Задукот, М. И. Фоминцев-Ливовцев, В. В. Даусов; 4-й ряд: Е. П. Домосерикова, бар. В. Ф. Штальсбергер, М. Г. Денич, А. А. Аверсберг, М. А. Арсеньев, С. Корпелов, К. С. Шинкина, А. В. Шинкина, А. Ф. Аудитович-Мамасов, А. Р. С. Буланис, О. В. Вержковская, бар. А. В. Аксентьев, А. В. Аксентьев-Мамасов, бар. Арисгофен, Н. А. Лавно-Данилевская, Т. М. Белгард.

Редактор-издатель В.А. Крымов.

Приготовленъ въ Лабораториѣ
А. ЗНГЛУНДЪ.

Для предупреждения подделок просим
обратить особое внимание на по-
дпись А. Зигунд и крас. черк. и марку
С.-Петербургской Косметической
Лаборатории, которая вышита на
всех этикетках. Получать можно во
всех аптеках, аптеках, аптеках,
и парфюм, складках Рос. Империи.
Главные агентства и склады фарм
для Европы: Виза—Лео Глаубауки,
Кернзе, Рингз-3; Ниша—Е. Лотарь.

Главный склад для всей России

А. ЭНГЛУНДЪ,
СПБ., Новодеревянная наб. 15.

Путешествие вокруг Франції президента Пуанкаре на автомобиле

„РОШЕ-ШНЕЙДЕРЪ“.

Торговый дом "БОРЕЙ", Калининградский, 13, совств. д., рег. 126-88.